

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Тел. 781-47-22
E-mail: teenager@mk.ru

Женись на рыженькой

Есть такой термин: "еврейская мама". Это такая навязчивая мама, которая с утра до вечера ходит за дитем: "Шо ты сидишь? Бегай! Шо ты бегаешь? Сиди! Не беги, куда ты не-сеешься?! Сядь. Шо ты сидишь?.. Ты нагреешь голову! Ты хочешь кушать? Ешь! Шо ты жрешь? Ты обожрешься!" Видишь его и думаешь: сей-час сойдет с ума. Причем "еврейской мамой" может быть и папа. При мне как-то врач позво-нил домой своему 11-летнему сыну и говорит: "Какая у тебя температура? Сколько?! 37,2?! А-а-а... Немедленно ложись!" Я ему говорю: "Ты с ума сошел? Ты — врач. Что с тобой? Ну, у ре-бенка температура. Без этого не обходится". И второй случай. Папа звонит и говорит сыну 15 лет: "Что делаешь? Моешься в ванной?!" Сколько тебе раз говорили: когда взрос-лых нет дома, не смей мыться в ван-ной!!! Это значит, он упадет, умрет и т.д. Понимаете? Они добивают этих де-тей. Не дают им ни нормально женить-ся, ни нормально жить. Недаром есть анекдот: "Мама, я приведу завтра трех девочек, определи, на какой я буду же-ниться". На следующий день мама говорит: "На рыженькой, конечно". — "Как ты догада-лась, мама?" — "Ну, она мне сразу не пона-вила..." И горько иногда, когда родители вкладывают в ребенка все на свете, а он вы-рос, хлопнул дверью и ушел: "Это — собаки, животные!" И не понимают, что это был ИХ ребенок. Страшно.

Я не особенно сильно воспитывал своих детей (у меня сын Максим, ему уже за 30, и дочь Ксения, ей скоро 24). Вос-питывала главным образом жена. Она шутит, что все хорошее — от нее, нехо-рошее — от меня. Я старался делать все, чтобы им не было стыдно. Мне не-чего прятать от детей. Я всегда воспи-тывал в них свободное отношение ко всему. Когда родилась дочка, я сказал: первое, чему ее научу, — грамотно предохраняться. Мое воспитание больше удалось с сыном, потому что каждый год мы вдвоем уезжали в пио-нерлагерь "Орленок". Я говорил: "Сы-нок, делай что хочешь, но, как только за-звучит горн, чтобы ты был на месте". Я рассуждал: куда он денется? Засовывать пальцы в розетку не пойдет. Значит, будет играть или плавать. И он действительно нику-да не девался. И, что бы ни произошло за день, в 9 вечера я его укладывал спать — он противился, но через две минуты засыпал. В этом, я считаю, была свобода. Сын ушел из дома лет в 20. Мы его не держали. Наоборот, помогали стать самостоятельным.

С дочкой уже не получилось. Может, по-тому, что Ксене больше свобода всяких доста-лось. Жена говорила: так, все, не морочь го-лову, я это сделаю, оставь... Сама что-то ре-зала, убирала. А есть категория правильная: режь салат со мной. Ну, криво. Ну и что? Зато сама. Молодец. Это не означает, что сейчас Ксения ничего не может, но она знает: мама все сделает. Две собаки в доме — ничего, ма-ма погуляет. В этом нет ничего такого уж страшного, но и хорошего тоже мало.

Не хочу "дедовщины"!

Некоторые трясут кулаком: "Поголодал бы, как я, поел бы хлебушка черствого!" Не хо-чу! Не надо! Это как в армии "дедовщина": над новичком издеваются, а он думает: "Ну погоди, на следующий год я буду!". А я — нет. Я борол-ся, чтоб моим детям давали то, что мне не до-сталось. Дочь и сын живут в условиях намного лучших, чем у меня в детстве. Мой отец был культработником в доме отдыха, и мы жили там семьей из четырех человек в шестиметровой комнате под лестницей. А мои дети выросли в прекрасных квартирах. Я только в 30 в "Запо-рожец" ржавенький сел, а они — с 17 лет на ма-шинах. И я горжусь этим! Мне удивительно, что наконец я могу купить любую вещь. Я успоко-ился. И мои дети уже практически спокойны.

И так мне стало обидно...

Когда был жив отец, он мне все время предъявлял претензии. Сейчас я поймал себя на том, что говорю сыну практически то же самое. Он ведет себя точно так же, как я рань-ше: и не позвонит, и пятое-десятое, и черт-те что. Как-то я был за границей, внезапно силь-

За долгие годы работы в "Ералаше" Борис Грачевский научился находить общий язык с самыми разными мальчишками и девочками. Вот у кого, казалось бы, не должно было быть проблем с собственными детьми! Однако Борис Юрьевич не склонен хвастаться своим родительским опытом.

Борис ГРАЧЕВСКИЙ:
"Я не еврейская мама!"

Женщины
Грачевского:
дочь Ксения
и жена Галина.

С сыном Максимом и дочерью Ксеньей.

тишки, ля-ля-ля. А ведь я постоян-но что-то смотрю, читаю, вынимаю для себя какие-то вещи важные и пытаюсь сде-лать все, чтобы в "Ералаше" было настоящее, сегодняшнее. Нас смот-рят и дети, и те, кому 55. Мы — для всех. Американское кино рассчитано на собаку Павлова: тебя трогают — появи-лась слюна, еще трогают — ты смеешься. Понимаете? Все делаешь как они. Кончилось кино: раз-два-три. Хорошее. А чо там было-то?.. Вот что происходит. Вся Америка — собака Павлова.

А дети как ежики

С моей 60-летней сестрой мы каж-дый божий день спорим: про какую-ни-будь книжку, передачу... При всем этом я уверен: она — самый близкий и родной человек для моей семьи и ме-ня. И самая большая моя мечта в жиз-ни — чтобы мои дети были так близ-ки друг к другу. Но пока что-то не по-лучается. Они все время, как ежики, тыкаются друг о друга. У них все вре-мя какие-то мелкие скандалчики. Я говорю: жизнь состоит из компро-миссов, возможностей найти выход. Очень важно все время об этом ду-мать: правильно я живу или нет? Наша жизнь складывается из отношений друг с другом. Я всегда мгновенно сходился с людьми. И мои дети могут, тыфу-тыфу-тыфу. Я никогда в жизни не отключаю теле-фон. Так противно, когда человек слушает автоответчик и решает, с кем говорить, с кем — нет. Отключил телефон и лег спать?.. А ес-ли я кому-нибудь понадоблюсь: вдруг ЧП про-изошло и просят: "Боря, выручи"?!

Кино не для всех

Еще в школе сын сказал: "Знаешь, папа, я пойду в режиссеры". Я стал объяснять: что ты, сынок?! Там надо хорошо разбираться в литературе, в театре — не просто смотреть, а знать суть. Нужно уметь писать рассказы... А Максим так искренне: "Ну, знаешь, это меня не пугает". Окончив ВГИК, сын сказал: "Папа, очень интересно в кино, но у вас тут денег не заработаешь". И ушел в бизнес. Долго тыр-кался, но нашел свое место, делает сейчас замечательную карьеру. Мне очень приятно.

Дочка тоже отучилась во ВГИКе и пошла работать... маникюршей и педикюршей в са-лоне. И мне становится обидно. Не в смыс-ле престижа и все такое. Но ведь это бес-перспективно. Дочь мне как-то сказала, что в "Ералаш" пойдет кем угодно. Тогда я, чело-век, который ненавидит родственников в ра-боте (это все ужасно), вынужден был взять ее сюда, чтобы вырвать из салона. Она — за-меститель у одного директора. Я говорю: ес-ли ты будешь замещать меня, я тебя убью. Я считаю, что моя дочь должна работать на-много лучше, чем все остальные. Я бы, во всяком случае, так работал в такой ситу-ации. Она же мне все время выговаривает. Нет ребенка, с которым бы я не нашел обще-го языка, кроме моей дочери...

Вопрос родительского воспитания фантастически важен всегда. Сказать, что я абсолютно счастлив, что сын и дочь соот-ветствуют моему представлению о лучших детях? Нет. Но, с другой стороны, дети мои в канаве не валяются, наркотиками в жизни не пользовались. Все нормально.

Елена ДОБРЮХА.

но при-хватило поясницу. Лежу, больно, сын не зво-нит... И вдруг так стало обидно, думаю: какая ж ты сволочь, я уехал, а ты даже не спросишь, как я.

У меня сын в очень серьезном бизнесе, работает до 11—12 ночи. И я понимаю, что ему вообще никого не надо, в принципе. Он давно уже живет отдельно. У него дом свой. Я иногда говорю: "Сынок, ну поехали вместе по-плавать, ты же любишь". Что ты, в лучшем слу-чае он на своем снегокате может ко мне в вы-ходной день заехать... На 50 лет подарил мне "Мерседес". Это было прям голливудское ки-но. Выключили свет. За окном стоял серебри-стый автомобиль — с шариками, в ленточках, с включенными фарами. А так, чтобы сын про-сто приехал, — крайне редко. Некогда...

Как-то спросил дочку: "Ксень, ты пом-нишь, когда целовала меня последний раз?" Она: "Э-э-э, ну, на праздник на какой-то, на-верное". Мне очень горько. Приятельница го-ворит: если дочка подходит к ней ближе чем на метр, значит, ей что-то нужно. Если поце-ловала — 100 долларов точно.

Когда у нас снимали "Пока все дома", вдруг Максим и Ксения неожиданно стали го-ворить, как они благодарны за свое детство, как родители много сделали для них. Я сидел потрясенный.

Скарлатти не в формате

Что не получилось у меня с детьми? Я вырос в очень интеллектуальном климате.

Знаю живо-пись, классическую музыку. Это мне папа прививал. Папа вечно: "Что исполняет-ся? Ну-ка, быстро говори! Ты, балда, не зна-ешь?.. Ну-ну... Пуччини. Правильно!" Мне как отцу не удалось влить такой мощный ин-теллектуальный поток. Я начинаю говорить, а они меня уже не слушают. Моя дочь ска-зала: "Ужасная книжка — "Мастер и Маргари-та". Ну как я могу объяснить, что эта книжка в 17 лет была для меня просто бомбой?!

В принципе так тоже может быть: раз не берет сам, значит, не нужно ему это. Вот у меня дочка хотела бросить музшколу — ей не дали. Она закончила ее и сказала: "Вот ваш диплом". И никогда в жизни не притра-гивалась больше к инструменту. Мне бы очень хотелось пойти на концерт в консер-ваторию с дочкой. Ничего подобного. Я к тому, что есть что-то прекрасное, чего мои дети уже не понимают. Может, виноват по-ток информации, который обрушился? Во-обще, если быть честным, наверное, не обязательно знать оперу Доницетти "Лю-бовный напиток", но обязательно знать композитора Скарлатти. Как поет Тимур Шаов (молодежь о таком и не слышала не-бось, он "слишком интеллектуален"): Скар-латти не в формате. Кто такая Скарлатти? А для меня это — музыка.

Мои дети с удовольствием смотрят аме-риканское кино, а я искренне не люблю его, потому что оно ненастоящее. Вот я занима-юсь как бы вроде ерундой в "Ералаше": де-